

МЕТАИСТОРИЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА: МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ, ИСКУССТВОМ И МИФОМ

В. Л. АЛЕКСАНДРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируется концепция русского поэта и мыслителя XX в. Д. Андреева. Особое внимание уделяется ее основному понятию – метаистории. Выявляются два его значения – онтологическое и гносеологическое. В первом метаистория понимается как совокупность процессов в иных (параллельных) слоях Земли, во втором – как учение об этих процессах, включающее в себя три стадии: метаисторическое озарение, созерцание и осмысление. Отмечается, что метаисторический метод познания позволил Д. Андрееву глубоко проанализировать российскую и мировую историю, а также дать точный прогноз относительно важнейших событий и процессов второй половины XX в. (распад Советского Союза и социалистического лагеря, объединение Европы). Исследуется мифотворчество писателя как продолжение софиологии – направления русской религиозной философии. Сделан вывод о том, что, несмотря на иррациональный, мистический характер, концепция Д. Андреева обладает большой познавательной ценностью и может быть продуктивно использована при изучении актуальных социально-политических и культурных процессов, прежде всего глобализации.

Ключевые слова: Д. Андреев; метаистория; метакультура; миф; глобализация.

THE METAHISTORY OF DANIEL ANDREYEV: AT THE INTERSECTION OF PHILOSOPHY, ART AND MYTH

V. L. ALEKSANDROV^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the concept of the Russian poet and thinker of the twentieth century, Daniel Andreyev. Particular attention is paid to the basic notion of the concept – «metahistory». Reveals ontological and epistemological meaning of its. In a first aspect metahistory is understood as a complex of processes in the other (parallel) layers of the Earth, in the second – as the study of these processes, including three stages: metahistorical afflatus, contemplation and comprehension. It is stated that thanks metahistorical method of knowledge D. Andreyev was able, firstly, deeply analyzes the Russian and world history, and secondly, to give precise predictions about the most important events and processes of the second half of the twentieth century: the collapse of the Soviet Union and the socialist camp, the union of Europe. Particularly D. Andreyev's mythmaking analyzes as a continuation of sophiology, trend of Russian religious philosophy. The author concludes that, despite the irrational, mystical character, the concept of D. Andreyev has great epistemological value and can be efficiently used in the study of current social, political and cultural processes, particularly globalization.

Key words: D. Andreyev; metahistory; metaculture; myth; globalization.

Образец цитирования:

Александров В. Л. Метаистория Даниила Андреева: между философией, искусством и мифом // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 21–26.

For citation:

Aleksandrov V. L. The metahistory of Daniel Andreyev: at the intersection of philosophy, art and myth. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 1. P. 21–26 (in Russ.).

Автор:

Владимир Леонидович Александров – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

Author:

Vladimir Aleksandrov, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
alixandrau@tut.by

Потрясения первой половины XX в. – мировые войны, тоталитарные режимы – стали не только катастрофой для сотен миллионов людей. Они стали интеллектуальным вызовом для мыслителей и ученых. На глазах нескольких поколений рушились фундаментальные просветительские установки: вера в неуклонный социальный прогресс, представление о Европе как образце политического и культурного развития (европоцентризм) и др.

Первой крупнейшей рефлексией над тектоническими изменениями социальной реальности стало пророческое предчувствие О. Шпенглера. Именно ему «удалось во многом диагностировать актуальные становления своего кризисного времени; и в этом смысле его “Закат Европы” является высочайшим, поистине недостижимым образцом понимания тогдашней эпохи. <...> Он сумел навсегда положить конец плоскому прогрессизму рационалистического толка с его сугубо прямолинейной трактовкой человеческой истории» [1, с. 33, 68].

Примерно в одно время с немецким мыслителем не просто тревожно-пессимистическое, а эсхатологическое ощущение истории охватило многих русских поэтов, писателей и философов Серебряного века: А. Белого, А. Блока, Л. Андреева, М. Волошина, В. Розанова, С. Булгакова, Н. Бердяева. Стихотворения и поэмы, рассказы и статьи, трактаты и дневники были пронизаны чувством присутствия нечеловеческих, сверхчеловеческих сил и воздействий, недоступных для восприятия и осмысления умами с позитивистской, узко рационалистической направленностью. Поэтому любые образы и сюжеты подобного рода трактовались большинством лишь как плод художественной фантазии или результат необоснованных интеллектуальных спекуляций.

И все же, несмотря на критическое отношение к иррационалистическому взгляду на историю, эти представления развивались и нашли одно из ярчайших, необычных воплощений в творчестве русского поэта и писателя середины XX в. Даниила Андреева (1906–1959). Свидетель и участник национальных и мировых катастроф своей эпохи, мыслитель всю жизнь стремился в художественном и философском слове отразить их понимание. Во время ареста в 1947 г. было уничтожено почти все им написанное, при этом последовавший 25-летний тюремный приговор не просто стал тяжелейшим испытанием, а обернулся созданием уникальной творческой лаборатории. Произведения того периода, чудом написанные, сохранившиеся и опубликованные в начале 1990-х гг. в России уже после смерти их автора, оказались столь необычными по форме и содержанию, что поставили в тупик критиков и интерпретаторов. В главном трактате Д. Андреева «Роза мира» около 10 жанров, по этой причине одни исследователи считают его примером непревзойденного по масштабу и глубине творческого синтеза, другие – эклектичным сочетанием разнородных, несовместимых идей, понятий, принципов, сюжетов, образов и стилей.

Настоящая статья представляет собой анализ одного из важнейших понятий концепции Д. Андреева – метаистории. Этот термин в русской мысли мы находим у С. Булгакова в произведении «Два града», на которое и ссылается Д. Андреев, а также у Н. Бердяева в книге «Смысл истории». Оба русских философа употребляли его скорее апофатически – для обозначения ощущения той стороны исторического процесса, которая объективно существует, но не может быть обнаружена и познана. Не случайно С. Булгаков при определении понятия «метаистория» использует кантовский термин «ноуменальность». Между тем Д. Андреев подчеркивает, что «применение кантовской терминологии к проблемам этого порядка вряд ли поможет уяснению существа дела» [2, с. 31].

На контрасте с булгаковским определением Д. Андреев дает свою трактовку понятия «метаистория», используя его в двух значениях – онтологическом и гносеологическом. Онтологически метаисторию мыслитель понимает как «совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие виды пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история» [2, с. 31]. В гносеологическом смысле метаистория – это «учение об этих процессах инобытия» [2, с. 31].

Естественно, Д. Андреев предвидел возможные возражения относительно своей концепции: если она зиждется на личном духовном (мистическом, эзотерическом) опыте, то можно ли говорить о ее объективном, а тем более общезначимом смысле? Такой же упрек высказывал в свое время И. Кант в адрес своего старшего современника Э. Сведенборга, усмотрев в свидетельствах шведского мистика об «иных мирах» и их существах лишь «спекулятивные бредовые фантазии извращенного ума <...> [и] дикие бредни самого дурного из всех фантастов» [3, с. 782–783, 789].

Понимая всю зыбкость такой концепции, Д. Андреев пытался укрепить ее. С одной стороны, писатель апеллировал к фактору доверия явлениям духовного порядка: «Без всяких гарантий опыту другого поверит тот, чей душевный строй хотя бы отчасти ему созвучен; не поверит и потребует гарантий, а если получит гарантии – все равно их не примет тот, кому этот строй чужд» [2, с. 35]. С другой стороны, мыслитель высказывал надежду на создание некоей научно-воспитательной системы, которая будет стимулировать проявление и развитие способностей духовного восприятия, заложенных в каждом человеке, но в обычных условиях дающих о себе знать крайне редко. Одновременно Д. Андреев выражал

уверенность в том, что параллельно с его прозрениями «не только в России, но и во многих краях Земли происходит тот же процесс: та же потусторонняя реальность вторгается в человеческое сознание, сначала – в сознание единиц, потом – сотен, чтобы позднее стать достоянием миллионов» [2, с. 30].

Прошло более полувека с момента написания этих строк. Достаточно, чтобы оценить, прав ли хотя бы в этом оказался русский мыслитель. Но прежде необходимо прояснить оба определения метаистории, упомянутые выше.

Онтологическое определение вытекает из главной, стержневой идеи всей концепции Д. Андреева – утверждения о многослойности Вселенной и ее основных астрономических объектов: галактик, звезд, планет, спутников. Под многослойностью автор понимает единство слоев космического тела, отличающихся пространственно-временной размерностью, характером материальности каждого из них, своеобразием процессов, там протекающих, и существ, там обитающих. Нетрудно заметить, что речь идет о попытке сохранения религиозной картины мира, но с серьезной поправкой: совмещением этой картины с современными физико-астрономическими представлениями. Насколько удачна эта попытка, каждый судит сам, но примечательно, что многие мысли Д. Андреева, звучавшие нелепо и дико для науки середины XX в., уже в конце прошлого и начале XXI в. подаются как нечто само собой разумеющееся. Например, в учебниках по философии и методологии науки можно встретить такие высказывания: «Современная наука обосновывает мысль о существовании множества миров <...> с многообразными видами материи» [4, с. 69]; «В других физических мирах, в принципе, возможно существование четырех-, пятимерных и т. д. объектов» [4, с. 71]. Не являются ли подобные утверждения примером того плодотворного диалога науки и религии, который, вопреки мнению скептиков с обеих сторон, стремительно развивается в эпоху постнеклассической рациональности?

Если же допустить – хотя бы умозрительно – наличие таких слоев инобытия Земли, то логически можно вывести и возможность процессов, протекающих там, и их связь с процессами нашего слоя, о чем пишет Д. Андреев. Перед характеристикой содержания этих процессов писатель дает и теоретическое, и автобиографическое описание метаистории как метода познания, включающего в себя три стадии: озарение, созерцание и осмысление. Первая стадия, наиболее иррациональная, возникает и протекает спонтанно, без участия воли субъекта. Ее содержанием «является молниеносное, но охватывающее огромные полосы исторического времени переживание нерасчленимой ни на какие понятия и не выразимой ни в каких словах *суги* (выделено автором. – В. А.) больших исторических феноменов» [2, с. 31]. Психически этот акт сопряжен с огромным потрясением субъекта, на протяжении секунд или минут вмещающего в себя невероятные объемы информации, превышающие все привычные рамки ее образной или понятийной обработки.

Вторая стадия, более длительная и уже включающая отчасти свободную волю субъекта, предстает как метаисторическое созерцание. С точки зрения дневного сознания это что-то вроде сочетания восприятия и воспоминания о ярком сновидении. Наконец, на третьей стадии происходит метаисторическое осмысление определенных событий, сюжетов, закономерностей. К ней Д. Андреев относится максимально критично и самокритично, поскольку именно на данном этапе «совершаются наибольшие ошибки, неправильные привнесения, слишком субъективные истолкования. Главная помеха заключается в неизбежно искажающем вмешательстве рассудка» [2, с. 32].

В то же время все три стадии для творчески одаренных людей становятся тем материалом, который служит источником для его выражения в философской, религиозной или художественной формах. Сам Д. Андреев, будучи не только талантливым мыслителем, но и поэтом, воплотил плоды такого метаисторического познания и в трактате «Роза мира», и в своих стихотворениях и поэмах. В неповторимой, уникальной по стилистическому и жанровому сочетанию форме в них отражены и осмыслены события российской и мировой истории. Более того, в некоторых произведениях Д. Андреев отваживается на ряд смелых, для своего времени даже невероятных прогнозов, причем многие из них уже сбылись. Так, в поэме «Железная мистерия», отражающей метаисторические процессы первой половины XX в. и такого же рода перспективы второй его половины, поэт – на пике международного влияния и могущества Советского Союза – предсказывает скорый распад державы («Рухнула в ничто глыба государства» [5, с. 229]); объединение Европы после развала социалистического лагеря («Сплав сорока стран» [5, с. 261]); хаос и рыночные преобразования 1990-х гг. («Маркса грыз да Сталина, / Бац – кругом развалина. / Коль не каплет из носу, / Приучайся к бизнесу» [5, с. 264]).

Что же собой представляет метаистория в содержательном плане и почему, согласно Д. Андрееву, эти процессы так важно прозревать и понимать? С точки зрения мыслителя, склонного к дуализму в духе зороастрийской религии, в общепланетарном ракурсе Земля выступает ареной многомиллиарднолетней борьбы провиденциальных и демонических сил. Замысел первых – создание разноматериальных слоев для жизни и творчества, духовного становления и совершенствования сотворенных Богом монад (растений, животных, людей, ангелов, даймонов и многих других). Замысел вторых – порабощение

существ для увеличения страдания. Законы живой природы, даже такие, казалось бы, «вечные», как закон смерти и закон борьбы за существование, по мнению Д. Андреева, есть лишь временная равнодействующая борющихся сил. То же касается нравственно-трансфизического закона возмездия (кармы). Светлые силы стремятся их облегчить или отменить («Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» – восклицал апостол Павел) (1 кор., 15:55). Темные силы – утяжелить, усугубить.

Применительно к человечеству крупнейшими субъектами и объектами метаистории являются метакультуры. Под метакультурой понимается совокупность слоев, связанных со становлением конкретного сверхнарода и самих его представителей. Всего Д. Андреев выделяет 34 метакультуры человечества и с той или иной степенью подробности их описывает. Каждая метакультура – неповторимое образование, призванное к выполнению только ей порученной миссии. Выполнение миссии заключается в творении тех или иных ценностей (моральных, религиозных, художественных, интеллектуальных, материальных), необходимых для достижения всеми состояния богочеловечества. Впрочем, из-за сопротивления внутренних или внешних демонических сил эта миссия может быть оборвана, может остаться трагически незавершенной. Из 34 таких метакультур мыслитель перечисляет 15. Но даже успешно завершившие творчество в нашем слое метакультуры со временем из него исчезают (Древняя Греция, Древний Египет, Вавилон и др.), продолжая свое становление и развитие в высших для данной метакультуры слоях Земли. Если же национально-государственное или цивилизационное отображение метакультуры еще присутствует в нашем слое, то оно остается ареной для воплощения и творческой деятельности монад людей, к данной метакультуре принадлежащих. Столь необычную картину нашей исторической реальности в ее связи с «иными мирами» Д. Андреев максимально подробно рассматривает на примере метаисторического анализа и поэтического описания российской метакультуры, что логично.

Если рассматривать метаисторию как мистерию (а это следует в том числе из названия главной поэмы Д. Андреева), то в ней можно выделить мистериальные пространство, время, действующих лиц и драматический сюжет, причем каждый из структурных элементов мистерии оказывается многомерным. Пространство метаистории всего человечества включает в себя десятки слоев Земли, пространство метаистории каждой метакультуры – несколько, среди которых выделяются два полюса: средоточия светлых и темных сил каждой метакультуры. Временные потоки также охватывают разные отрезки метаистории, как бы вложенные друг в друга: эоны (крупнейшие мировые периоды), время существования метакультуры, народа, государства, церкви, конкретного человека, процесса, события.

Список действующих лиц поражает воображение. Их можно разделить на основании разных критериев: например, на людей и всех остальных, причем под людьми подразумеваются и те, чье последнее воплощение в нашем слое уже завершилось, и те, чье творчество или борьба продолжают и поныне. При всей своей фантастичности эта картина вполне логична для последовательно религиозного сознания, поэтому Д. Андреев, как и его предшественник Данте, уделяет большое внимание описанию посмертной судьбы сотен людей. Но если для великого флорентийца эта судьба характеризуется исключительно пассивной ролью (наслаждением и отдыхом в кругах рая или муками в кругах ада), то русский мистик предлагает гораздо более сложную и динамичную картину, подчеркивая активную сторону посмертной деятельности: это творчество для носителей соответствующих даров (гениев, талантов и вестников), борьба для героев и «родомыслов» (провиденциальных правителей), спасение и помощь для достигших нравственных вершин (святых, праведников). Впрочем, Д. Андреев считал, что небесные страны метакультур ни в коем случае нельзя представлять как средоточие одних только известных личностей. О большинстве их обитателей не расскажет никакая история. «Это незаметные герои нашей жизни, – отмечал мыслитель, – думать иначе, то есть вообразить синклит метакультуры в виде некоего собрания “знаменитостей”, значило бы доказать, что наш нравственно-мистический разум спит еще крепким сном» [2, с. 59].

Однако кроме людей на арене метакультуры действуют еще множество других существ, главным критерием разделения которых является все та же принадлежность к «светлому» или «темному» стану. Верховной провиденциальной инстанцией сверхнарода и метакультуры выступает, по мнению Д. Андреева, своеобразная диада: Демург (дух-народоводитель) и Соборная Душа. Неслучайна их мужская и женская природа, но не физического, а трансфизического, иноматериального плана. Здесь мистик оказывается перед трудной дилеммой. С одной стороны, он подчеркивает, что «всякое применение к иерархиям привычных для нас антропоморфных понятий возраста, брачных отношений и т. п. может быть сделано лишь с целью приблизить путем единственно возможных, хотя и далеких аналогий, нашу мысль к пониманию явлений, в буквальном смысле не имеющих почти ничего общего с явлениями, привычными для нас» [2, с. 110]. С другой стороны, все его работы пронизаны этой метафорикой пола, брака, венчания, деторождения, переносимой с видимой реальности на невидимую. В частности, в качестве ключевых событий российской и всемирной метаистории Д. Андреев видит «брак»

Демиурга и Соборной Души России и рождение ими (воплощение через них) некоей верховной женственной сущности, появление которой, как он полагает, было предвосхищено философами и поэтами Серебряного века в образе Софии (у писателя именуется Звентой-Свентаной).

По сути, мыслитель выступает как продолжатель и интерпретатор линии В. Соловьёва, А. Блока, С. Булгакова, П. Флоренского, Л. Карсавина и других русских софиологов. Звента-Свентана (София) – высшая женственная сущность Земли, она же – невеста Агнца (Христа), описанная в Апокалипсисе. При этом Д. Андреев неоднократно подчеркивал кощунственность и недопустимость любых сексуальных толкований подобных образов и сюжетов. В результате этого мистического брака в эсхатологические времена Земля якобы должна совершить переход из первого эона (мирового периода) во второй (образ «нового неба и новой земли» в Откровении Иоанна Богослова). Но, чтобы состоялся брак российских народоводительствующих сил, Соборная Душа России прежде должна быть освобождена из плена великодержавной государственности, из слоя российского античеловечества – цитадели демонических сил ее метакультуры. В плену же она оказалась после того, как Демиург России в целях защиты народа от татаро-монгольского ига был вынужден породить первого в роду демона российского великодержавия, тем самым предопределив трагическую судьбу метакультуры на века.

Такую сказочно-мифологическую формулу Д. Андреев накладывает на описание всей российской истории: диалектически очерчивает синусоиды возвышения и падения Московского царства, петербургской империи, Советского Союза. В частности, проведение параллелей между тираниями Ивана Грозного, Николая I и Сталина как зенитами могущества трех поколений демонов российского великодержавия и последовавшими цепочками исторических событий (реформы, реакция, смута или революция, распад государства) позволило мыслителю с большой точностью предсказать события второй половины XX в., включая распад СССР.

Точность этих сбывшихся прогнозов позволяет в ином ракурсе рассмотреть вопрос о возможной верификации подобной мифологической картины исторической реальности. Как считают некоторые исследователи творчества Д. Андреева, необязательно буквально принимать его онтологию, чтобы признать ее гносеологическую ценность и продуктивность. Один из вариантов толкования этой авторской мифологии может исходить, например, из юнговской модели архетипов – образов коллективного бессознательного, – которые благодаря интуиции и художественному мастерству конкретного творца могли обрести именно такое, а не иное выражение. Отношение к подобной мифологии может определяться в первую очередь степенью ее предсказательного потенциала, а не количеством субъектов со схожей картиной мира.

С этой точки зрения прозорливость Д. Андреева особенно показательна в свете актуальных социально-политических событий и процессов. Одним из первых предсказав глобализацию (еще до появления самого этого термина) как неизбежную тенденцию мирового развития, русский мыслитель обозначил альтернативные направления, развилки, своеобразные точки бифуркации, которые поджидают человечество на этом пути. Крайне важно, по его мнению, будет идти речь о глобализации на фундаменте взаимодействия государств как укоренившихся в новейшей истории главных социально-политических институтов или о глобализации с принципиальной трансформацией сущности государства, возможностью этического контроля над ним со стороны гражданского общества. Выбор первого пути – интеграционные процессы на государственной основе – объективно приведет к гегемонии одного, самого мощного государства (и стоящего за ним демона) с последующей апокалиптической перспективой образования всемирного государства как ядра абсолютной единоличной тирании, как дьяволочеловечества во главе с антихристом. Впрочем, у Д. Андреева есть и еще более грозные прогнозы – например, о третьей мировой войне, причем не между СССР и Западом, а именно между постсоветской Россией и Западом. Удивительно читать сегодня, учитывая нынешнюю международную обстановку, подобные строки, написанные в 1950-х гг. прошлого века.

В то же время Д. Андреев обрисовывает и оптимистичный прогноз (хотя и оговаривается, что шансов сбыться у него немного), имея в виду глобализацию по модели всеединства, содружества и сотворчества равноправных народов; интеграцию – политическую, экономическую, научную – при многообразии культур, верований, образов жизни. Зачатки подобного всеединства Д. Андреев видел в послевоенных Японии, Швейцарии, Скандинавии. Эта утопическая часть его концепции чаще других подвергается критике, как и иные утопии, особенно после кошмаров их воплощения в XX в. Но кто знает, быть может, именно подойдя к краю бездны рукотворного ядерного апокалипсиса, человечество, заглянув в нее и в ужасе отшатнувшись, инстинктивно повернется в противоположную сторону – ту, о которой мечтали В. Вернадский и Т. де Шарден, В. Соловьёв и А. Швейцер, М. Ганди и Д. Андреев. Во всяком случае, концепция последнего, со всей подробностью и резкостью раскрывающая основные альтернативы всемирного хода истории, еще раз напоминает о важности выбора стратегического вектора развития цивилизации, необходимости делать этот выбор и ответственности за него – всех и каждого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Румянцева Т. Г. Освальд Шпенглер. Минск, 2008.
2. Андреев Д. Л. Роза мира. М., 1991.
3. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Метафиз. начала естествознания. М., 1999.
4. Яскевич Я. С. Философия и методология науки. Вопросы и ответы: полный курс подготовки к кандидатскому экзамену. Минск, 2007.
5. Андреев Д. Л. Железная мистерия : поэма. М., 1990.

REFERENCES

1. Rumyantseva T. G. Osvaľd Shpengler. Minsk, 2008 (in Russ.).
2. Andreev D. L. Roza mira. Mosc., 1991 (in Russ.).
3. Kant I. Grezy dukhovidtsa, poyasnennye grezami metafiziki. *Metafizicheskie nachala estestvoznaniya*. Mosc., 1999 (in Russ.).
4. Yaskevich Y. S. Filosofiya i metodologiya nauki. Voprosy i otvety: polnyi kurs podgotovki k kandidatskomu ekzamenu. Minsk, 2007 (in Russ.).
5. Andreev D. L. Zheleznaya misteriya : poema. Mosc., 1990 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 06.10.2016.
Received by editorial board 06.10.2016.*